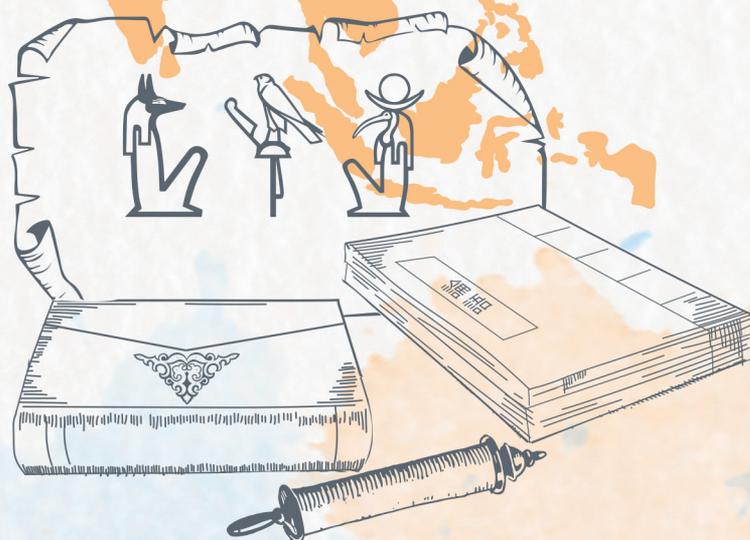

**ДОКЛАДЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

XXXI конгресс по ИИСАА

**РОССИЯ И ВОСТОК.
К 100-ЛЕТИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

Том 2
часть 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN
AND AFRICAN STUDIES

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ДОКЛАДЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

Том 2
часть 1

XXXI конгресс по ИИСАА

**РОССИЯ И ВОСТОК.
К 100-ЛЕТИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

*Санкт-Петербургский
государственный университет
23–25 июня 2021 г.*

Санкт-Петербург
2022

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY
THE FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

**PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONGRESS
ON HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF ASIA AND AFRICA**

Vol. 2
part 1

**RUSSIA AND THE EAST.
COMMEMORATING CENTENNIAL
OF POLITICAL AND CULTURAL TIES
IN MODERN TIMES**

*St Petersburg University
23–25 June, 2021*

St Petersburg
2022

ББК 63.3(5)+63.(6)
УДК 930 (5+6)

Р 93 Доклады XXXI Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. Том 2 (часть 1). Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, П.И. Рысакова, СПб.: ИПК «НП-Принт», 2022. — 400 с.

Proceedings of the XXXI International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa. Russia and the East. Commemorating centennial of political and cultural ties in modern times. Vol. 2 (part 1) / Ed. by Nikolay N. Dyakov, Polina I.Rysakova. – St. Petersburg: NP-Print Publishers, 2022. — 400 p.

ISBN 978-5-6048982-2-2

ISBN 978-5-6048982-3-9– (часть 1)

ББК 63.3(5)+63.(6)
УДК 930 (5+6)

ISBN 978-5-6048982-2-2

ISBN 978-5-6048982-3-9– (часть 1)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Африканистика

Herman Bell, University of Exeter, UK

Желтов Александр Юрьевич, Восточный факультет СПбГУ

Ближний Восток, Кавказ и Центральная Азия

Джандосова Заринэ Алиевна, Восточный факультет СПбГУ

Дьяков Николай Николаевич, Восточный факультет СПбГУ

Кныш Александр Дмитриевич, Отделение ближневосточных исследований, Мичиганский университет, Анн-Арбор, США; СПбГУ

Матвеев Александр Сергеевич, Восточный факультет СПбГУ

Пелевин Михаил Сергеевич, Восточный факультет СПбГУ

Пиотровский Михаил Борисович, Восточный факультет СПбГУ; Государственный Эрмитаж

Ястребова Ольга Михайловна, Восточный факультет СПбГУ; отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Дальний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия

Гурьева Анастасия Александровна, Восточный факультет СПбГУ

Колотов Владимир Николаевич, Восточный факультет СПбГУ

Маяцкий Дмитрий Иванович, Восточный факультет СПбГУ

Самойлов Николай Анатольевич, Восточный факультет СПбГУ

Сторожук Александр Георгиевич, Восточный факультет СПбГУ

EDITORIAL BOARD

African Studies

Herman Bell, University of Exeter, UK

Alexander Yu. Zheltov, FAAS, St Petersburg University, Russia

Middle East, Caucasus and Central Asia

Zarine A. Dzhandosova, FAAS, St Petersburg University, Russia

Nikolay N. Dyakov, FAAS, St Petersburg University, Russia

Alexander D. Knysh, Department of Middle East Studies, University of Michigan, Ann Arbor, USA; St Petersburg University, Russia

Alexander S. Matveev, FAAS, St Petersburg University, Russia

Mikhail S. Pelevin, FAAS, St Petersburg University, Russia

Mikhail B. Piotrovsky, FAAS, St Petersburg University; The State Hermitage Museum, St Petersburg, Russia

Olga M. Yastrebova, FAAS, St Petersburg University; Manuscripts Department, National Library of Russia, St Petersburg, Russia

Far East, South and South-East Asia

Anastasia A. Guryeva, FAAS, St Petersburg University, Russia

Vladimir N. Kolotov, FAAS, St Petersburg University, Russia

Dmitrii I. Maiatskii, FAAS, St Petersburg University, Russia

Nikolay A. Samoylov, FAAS, St Petersburg University, Russia

Alexander G. Storozhuk, FAAS, St Petersburg University, Russia

Оглавление

Предисловие к сборнику	9
СЕКЦИЯ 1. Источниковедение и историография стран Ближнего Востока	13
Крылов А.В. (МГИМО). Православный Палестинский сборник – бесценный источник по истории стран Восточного Средиземноморья и христианского мира.....	14
Люльчак А.С. (НИУ ВШЭ). Образ «врага» в кемалистской карикатуре начала XX в. (по материалам журналов «Смеющееся лицо» [Güteryüz] и «Черноглазый» [Karagöz]).....	25
Пумпян Г.З. (БАН РАН). Записки русских путешественников на Восток в новое время и их библиографическое обеспечение	43
Рыженкова Т.А. (СПбГУ). Традиция отправки махмала из Египта в Мекку в XIII–XX вв.	63
Popov V.A. (SPbU). Kinship and genealogy in theory of social solidarity of Ibn Khaldun.....	81
СЕКЦИЯ 2. Источниковедение и историография Афганистана и Ирана.....	91
Гезалова Н. (Институт истории НАН Азербайджана). О символах власти государства Надир шаха Афшара	92
Джандосова З.А. (СПбГУ). Мемуары Шаха Шуджа Дуррани: предыстория печального финала	109
Дроздов В.А. (СПбГУ). Об авторстве коротких поэм, приписываемых персидскому поэту XII в. Санā'й.....	130
Павлова И.К. (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна). О начале морских пассажирских и коммерческих перевозок по Каспию.....	146
Штых Ю.Г. (СПбГУ). Философия антизападничества в путевых заметках Дж. Але Ахмада о Советской России.....	159
СЕКЦИЯ 3. Источниковедение и историография Центральной Азии.....	177
Аманжолова Д.А. (ИРИ РАН). Некоторые проблемы изучения советского национализма в Центральной Азии	178

Брежнева С.Н. (ЛГУ). Историко-археологические исследования Е.Ф. Каля в Туркестане (1887–1891).....	195
Гордеева П.В. (СПбГУ). Обзор основных источников о жизни и судьбе Арынгазы Абилгазы-улы	209
Юсупова С.А. (ГУАГН). Делопроизводственная документация органов городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства последней трети XIX – начала XX в.....	220

СЕКЦИЯ 4. Источниковедение и историография Индии и Юго-Восточной Азии.....233

Возчиков Д.В. (УрФУ). Гуджаратский султанат в отчете венецианского путешественника второй половины XVI в.....	234
Колотов В.Н. (СПбГУ). История Первой Индокитайской войны через призму судьбы Костаса Сарантидиса (Nguyễn Văn Lật).....	251
Котин И.Ю. (МАЭ (Кунсткамера) РАН, СПбГУ), Лемешкина К.В. (МАЭ (Кунсткамера) РАН). Трансформация сикхской идентичности в свете труда Х.С. Обероя «The Construction of Religious Boundaries»	265
Москалев П.Э. (СПбГУ). Роль короля Анг Дуонга (1845–1860) в истории взаимоотношений Сиам и Камбоджи в середине XIX в.	280

СЕКЦИЯ 5. Источниковедение и историография Китая и Монголии.....291

Silvia Picchiarelli. (“Sapienza” University of Rome). “Everyday Forms of Peasant Resistance” in Chinese Contemporary Historiography: A Critical Perspective	292
Zavidovskaya E.A. (Institute of China and Modern Asia RAS), Vinogradova T.I. (Russian Academy of Sciences Library). The Diversity of Popular Prints Produced in Late Qing Beijing.....	311
Донская А.Е. (СПбГУ). Национальный кризис и подъём китайской исторической географии	328
Иванова Е.В. (МАЭ (Кунсткамера) РАН). О собирателях скульптурных изображений буддийских божеств, хранящихся в Дальневосточном фонде МАЭ РАН	346
Москалева Н.Н. (СПбГУ). «Воображаемый» Тибет в газете «Зеркало Тибета» в 1950–1960-е гг.	366
Перминова В.А. (ИВ РАН). «Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае в 1980-е годы	382

УДК 94(5)

А. Е. Донская

Санкт-Петербургский государственный университет

Национальный кризис и подъём китайской исторической географии

Аннотация: Статья посвящена развитию китайской исторической географии в 1930-е гг. в тесной связи с ситуацией национального кризиса, в которой оказалась страна. Кратко изложены основные этапы развития науки в предшествующий период, показан переход от «эволюционной географии» к «исторической географии» и основные различия между ними. Проанализированы политические, организационные, научные и образовательные предпосылки подъема историко-географических исследований. Особое внимание уделено созданию в 1934 г. научного общества «Юй гун» и одноименного журнала — моменту, который единодушно признается важнейшей вехой формирования современного облика науки. В статье предлагается краткий анализ «Слова к читателям журнала “Юй гун”», авторы которого — Тань Цисян и Гу Цзеган — обосновали актуальность историко-географических исследований, сформулировали их ближайшие, а также отдаленные цели и задачи, предложили программу развития науки на десятилетия вперед. На материале двух статей Гу Цзегана 1939 г. показана дальнейшая эволюция наиболее важных для исторической географии того периода представлений о единстве китайской нации и территории Китая.

В результате исследования автор приходит к выводу, что специфическая внешне- и внутривнутриполитическая ситуация 1930-х гг. стала мощным катализатором развития китайской исторической географии. Всё более широкое знакомство с достижениями западной и японской наук стимулировало и осознание китайскими учеными необходимости противостоять распространению таких взглядов на китайскую нацию и ее историю, которые могли послужить теоретическим обоснованием для отторжения от Китая окраинных земель. Актуальность темы исследования подтверждается тем, что именно выполнение сформулированной в 1930-е гг. программы определило современный облик китайской исторической географии, а разработанные тогда теоретические установки оказываются чрезвычайно востребованными в последние десятилетия — уже на новом витке развития Китая. (Библиогр. 20 назв.)

Ключевые слова: Китай, историческая география, китайская нация, Гу Цзеган, журнал «Юй гун»

Aleksandra E. Donskaia
Saint-Petersburg State University

The national crisis and the rise of Chinese historical geography

Summary: The article deals with the rise of Chinese historical geography in the 1930s in connection with the situation of national crisis. The author briefly describes the main stages of the previous development of this science, the transition from “evolutionary geography” to “historical geography”. Special attention is paid to the political, organizational, scientific and educational conditions that lead to the rise of historical geography and the creation in 1934 of the “Yugong” Society and the “Yugong” semi-monthly magazine — the generally recognized milestone in the formation of the modern image of the science. In the “Preface” for the first issue Tan Qixiang and Gu Zegang emphasized the role that historical geography played in the protection of territorial sovereignty. They also formulated its immediate as well as distant objectives, and proposed a research program for decades to come.

The author concludes that the specific foreign and domestic political situation of the 1930s became a powerful catalyst for the rise of Chinese historical geography. The increasing familiarity with the achievements of Western and Japanese science also stimulated Chinese historians to resist the spread of certain ideas, which could serve as a theoretical justification for the aggressive actions of the powers in the border areas. The implementation of the program formulated in the 1930s determined the modern appearance of Chinese historical geography, and the ideas developed at that time became extremely popular in recent decades. (Refs 20).

Keywords: China, historical geography, Chinese nation, Gu Jiegang, The Chinese Historical Geography (semi-monthly magazine)

С ростом политического и экономического влияния Китая им предпринимаются все более активные попытки проецирования «международной дискурсивной силы» (*гоцзи хуаюйцюань*) [Денисов, 2020], которая базируется на прочном фундаменте продуманного до мелочей нарратива «для внутреннего пользования». Усиление национально-патриотического элемента, продвижение собственных интерпретаций, в т.ч. интерпретаций исторических событий и явлений, весьма заметны как в идеологической, так и в образовательной сферах. Не будем отрицать влияния древних идей «китаецентризма» и соответствующего отношения к «варварам» на формирование китайского взгляда на мир, вместе с тем, совершенно оправданным представляется интерес значительного числа современных китайских исследователей к периоду 1930-х гг. Его выделяют в качестве одного из важнейших этапов оформления того комплекса идей, которые сейчас пронизывают учебную, популярную и научную литературу — о «единой китайской нации», о роли исторической науки в отстаивании национального суверенитета и т.д. И разрабатывались эти идеи в тесной связи с подъемом исторической географии.

Именно 1930-е гг. неизменно признаются переломным моментом в развитии китайской науки исторической географии, отделившей «старую» историческую географию от «новой», современной. Китайские ученые проводят между ними четкое различие. Историческая география «старого типа» — *яньгэ дили* — эволюционная география, география изменений, наука, которая описывает последовательные изменения географической среды. Современная наука называется по-другому — *лиши дили*, историческая география. Историю первой обычно отсчитывают от входящей в «Канон истории» (*Шан шу*) главы «Деяния Юя» (*Юй гун*), написанной, по-видимому, в эпоху Сражающихся царств (V–III вв. до н.э.). Она содержит географический и экономический обзор «девяти областей», на которые, по преданию, территория Китая была разделена легендарным Юем. В главе содержится составленное по единому образцу описание этих областей (физические границы, проведенные Юем работы, качество земель, характер подношений, пути их доставки), описание основных горных и речных систем и, наконец, идеальная схема так называемых «поясов вассальных владений». Этот текст воспроизведен и в главе «Основные записи [о деяниях дома] Ся» (*Ся бэнь цзи*) «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня, значительная часть которой посвящена деятельности Юя по обузданию наводнения.

Воспроизведение Сыма Цянем, жившим во II–I вв. до н.э., географического описания более раннего периода можно уже, в некоторой степени, считать историко-географическим исследованием, т.к. оно свидетельствует об определенном уровне осознания изменчивости как природной среды, так и характера ее социально-политического структурирования. Некоторые китайские ученые возводят начало китайской исторической географии к Бань Гу (I в.), так как в главе «Трактат о принципах земли» (*Дили чжи*) «Книги об [эпохе] (Ранней) Хань» (*Хань шу*), кроме описания современной автору географической среды, содержатся сведения о названиях географических объектов более раннего периода.

В качестве классических работ по исторической географии «старого типа» можно назвать труды Ван Инлиня (1223–1296) «Толкование географических [реалий, упомянутых во] “Всеобщем зеркале, [управлению помогающем]”» (*Тун цзянь дили тунши*) и Гу Цзуюя (1631–1692) «Географические комментарии для читающих исторические сочинения» (*Ду ши фаньюй цзяо*) (фактически — для читающих династийные истории, первоначально работа так и называлась — «Географические комментарии к 21 нормативной истории», *Эр ши и ши фаньюй цзяо*). Сами названия указывают на то, что эти работы представляли собой сборники географических комментариев, облегчающих понимание исторических трудов. Историческая география, таким образом, представляла собой не столько самостоятельную науку, сколько вспомогательную историческую дисциплину, поставившую для исторических сочинений географические комментарии о расположении тех или иных упомянутых в тексте населенных пунктов, гор, русел рек, деталях территориально-административного устройства. Никакого особого идеологического звучания эта дисциплина не имела. Видимо, в этом и не было нужды, подобные сочинения составлялись не для внешнего мира, а «для себя».

Качественно новый этап развития науки пришелся на рубеж XIX–XX вв. К тому времени в Китае был накоплен значительный объем историко-географической информации, а кроме того, в научный оборот вошло немало новых «западных» научных знаний и географических представлений. В период осуществления «новой политики» в начале XX в., когда, во многом под влиянием японских научных достижений, разрабатывались новые учебные программы, при составлении под руководством Ван Сици (1855–1913) программ по специальности «География Китая и мира» впервые был использован термин «историческая география» (*лиши дили*).

Сам термин «историческая география», видимо, сложился также под влиянием японских идей периода Мэйдзи (и — опосредованно — под влиянием западных терминов) и связан был с необходимостью для народов как Японии, так и Китая формирования и укрепления национальной идентичности, с разработкой представлений о государствообразующих нациях, о государственном суверенитете, о единстве территории, народа и государства. Если «старая» наука — *яньгэ дили* — просто фиксировала изменения географических реалий, то новый термин знаменовал выход на новый уровень осознания предмета науки — он объединял географическое пространство и историю народа во времени. «Эволюционная география» была мало приспособлена для борьбы с притязаниями внешних сил, а «историческая география», связывая в единое целое географическое пространство с историей народа (нации), способна была представить «научное» обоснование принадлежности той или иной территории нации и государству.

Тогда же с японского языка переводились учебники, написанные уже более-менее по-новому, «по-западному», в т. ч. и учебники по истории Китая. Китайских историков не могли удовлетворить ни терминология, ни содержание текстов японских ученых, это возбуждало их национальную гордость, подстегивало к разработке собственного изложения истории, стимулировало «национальный» проект — проект

строительства нации, национального государства, написания новой национальной истории — не истории династий, а истории народа (*минь ши*). Одним из важнейших новшеств, принесённых благодаря этим японским учебникам, и была ориентация на нацию, на описание ее прогресса¹. Перевод японских учебников истории стал неотъемлемой частью «историографической революции» в позднецинском Китае. К. Эдвард Ванг приводит слова Дэн Ши (1877–1951), разрабатывавшего идеи «национального духа» (*гоцуй*) — «Без истории нет нации» [Transforming History 2011: 122].

В 1903–904 гг. была опубликована двухтомная «История Китая» (*Чжунго лиши*) получившего образование в Японии Цзэн Куньхуа. Повествование в этой работе доводилось лишь до XI в., зато содержание было новаторским: автор стремился объяснить «формирование великих социальных тенденций», описать «феномен социальной эволюции», а не взлет и падение династий. Цзэн Куньхуа, объясняя причины социокультурных изменений, подчеркивал влияние географических условий на развитие человека. За этой работой последовал «Новейший учебник по истории Китая для средней школы» Ся Цзэнью (1863–1924) (*Цзуйсинь чжунсюэ Чжунго лиши цзяокэшу*), опубликованный в 1904–1906 гг. [Transforming History 2011: 122–124].

Новое видение мира, отличное от традиционного «китаецентристского» и связанное с представлениями о «национальном государстве», подтолкнуло развитие дискуссий о национальном суверенитете (неотделимом от проблемы государственных границ) и о нации. В начале XX в. зазвучали предложения преподавать историческую географию не только в университетах, но также в начальной и средней школе — с целью воспитания «чувства единства с нацией». Историко-географические сочинения, которые когда-то читали лишь представители образованной элиты, теперь оказывались все более широко востребованными, они были призваны помочь воспитать население в духе национализма, преподать национальный нарратив.

Под влиянием западной и японской науки в рамках новых учебных программ содержание науки исторической географии постепенно изменялось. Несмотря на «старомодное» название, значительно более соответствующим уровню науки того времени выглядел курс «История географической эволюции в Китае» (*Чжунго дили яньгэ ши*), который в 1917–1919 гг. в Пекинском университете читал знаменитый ученый-географ и педагог Чжан Сяньвэнь (1866–1933), много сделавший для знакомства китайцев с достижениями западной географии. Позже, в 1920–1930-е гг., подобные курсы читались в крупнейших университетах рядом ученых: известным историком Гу Цзеганом (1893–1980) — в Яньцзинском и Пекинском университетах, его учеником Тань Цисяном (1911–1992) — в Католическом университете Фужэнь [Мао Си, Дун Чжэньхуа, 2020: 20].

¹ О влиянии этих идей на трактовки нации и национализма Лян Цичао см. [Москалев, 2005: 7–39].

Следующий толчок к изменению отношения к исторической географии был связан с восприятием в качестве «несправедливых» итогов 1-й мировой войны. На необходимость изучения исторической географии указывал после Версальской конференции Чжу Кэчжэнь². Если бы китайские дипломаты лучше знали историю эволюции границ китайского государства, они, по его мнению, не допускали бы безответственных ошибок при подписании договоров (в частности, он имел в виду уступку Тайваня Японии Ли Хунчжаном в 1895 г.); пользуясь тем, что китайцы плохо знают историю территории своей страны, историю формирования ее границ, западные ученые нарочно распространяют неправильную информацию о Китае. Поэтому изучение исторической географии — вопрос защиты национального суверенитета [Transforming History 2011: 317]. Китай еще не был способен на мощные проявления «международной дискурсивной силы», до формулирования этой концепции было еще очень далеко, но многим ученым, разумеется, и тогда было понятно, что нужно по мере сил стараться оказывать воздействие на представления иностранцев о Китае. Так, историк и педагог Мяо Фэнлинь (1899–1959) в 1921 г. опубликовал статью «Пропаганда истории Китая» (*Чжунго ши чжи сюаньчуань*), в которой анализировал исторический опыт периодов разделения Китая на Север и Юг в стремлении противостоять попыткам западных держав закрепить ситуацию существования в Китае двух правительств — на Севере и на Юге. Он утверждал, что, «если донести исторические факты до иностранцев, они, пусть даже и не окажут помощи в объединении страны, по крайней мере будут вынуждены изменить свои представления о Китае». Реагируя на отклонение Японией требования китайской стороны о выводе войск из Южной Маньчжурии, Мяо Фэнлинь приводил исторические обоснования принадлежности этой территории Китаю. Ссылаясь на «Юй гун», он утверждал, что Маньчжурия на протяжении 4 тыс. лет была китайской территорией. «Мы должны довести эти исторические факты до представителей западного мира, чтобы они не могли открыто поддерживать японцев» [Transforming History 2011: 318–319].

И, наконец, в 1930-е гг. китайская историческая география окончательно вышла «на передовую». Отторжение Маньчжурии, деятельность японцев по организации движения за автономию Северного Китая и возросшая опасность раздела территории Китая вызвали горячий отклик в научной среде, способствовали пересмотру многих позиций. Национальный кризис стимулировал, в т. ч., и подъем исторической географии, и придание этой научной дисциплине совершенно нового звучания. Историческая география (и прежде всего — изучение эволюции политических границ) окончательно стала восприниматься как инструмент борьбы с внешней экспансией, защиты территориального суверенитета и национальных интересов Китая. В то же время сравнительная политическая стабильность на основной части

² Чжу Кэчжэнь (1890–1974), впоследствии — академик Академии наук КНР, географ, климатолог, педагог, один из создателей Географического общества КНР, основоположник китайской географической науки нового времени, китайской метеорологии и фенологии. Автор одной из наиболее авторитетных статей по исторической географии Китая — «Попытка исследования климатических изменений в Китае за 5 тыс. лет» (*Чжунго цзинь у цянъ нянь лай цихоу дэ чу бу яньцзю*) (1972).

территории Китайской Республики, особенно в крупных городах, создавала благоприятные условия для образовательной и научной деятельности, стимулом для которой становилась растущая нестабильность на границах страны.

Значительный вклад, как научный, так и организационный, в развитие исторической географии внес знаменитый историк Гу Цзеган. Он отмечал, что обратиться к истории границ Китая его заставила насущная потребность, это было веление времени. Гу Цзеган полагал, что подход «наука ради науки» хорош для мирного времени, «когда же мощь страны осыпается, [подобно холму], наука должна быть поставлена на службу практике» [Цит. по Гэ Чжаогуан, 2011: 6]. В 1920-е гг. Гу Цзеган в рамках концепции «недоверия к древности» подвергал сомнению единство происхождения древнекитайского этноса, единство китайской территории в древности, но в 1930-е гг. стал отходить от этих позиций — высказывание подобных взглядов не работало на защиту страны. При написании статей по истории границ, истории этносов, проживающих на территории Китая, ставились в значительной степени пропагандистские, а не чисто научные цели.

Основное внимание Гу Цзеган сосредоточил на западной, северной и северо-восточной частях Китая, т.к. этим районам, по его мнению, правительство не уделяло достаточного внимания, в то время как Япония, Англия и Россия осуществляли целенаправленное поглощение этих территорий. В молодости Гу Цзеган изучил много документов об исследованиях Японии в Маньчжурии и Монголии. После захвата Маньчжурии в 1931 г. ученый неоднократно бывал на Северо-Западе и Севере Китая, в августе 1934 г. встречался во Внутренней Монголии с Дэ-ваном³ по вопросу автономии. Встреча с Дэ-ваном заставила его осознать всю глубину предубеждения монголов против ханьцев, их нежелание считать себя частью ханьского этноса. В 1937 г. он по поручению китайско-английского попечительского совета «боксерской контрибуции» проводил обследование в сфере образования на Северо-Западе. Как отмечает Ли Чжэньцзюнь, на трансформацию отношения к миссии ученого Гу Цзегана повлияли не только изменения во внешнеполитическом положении, но и знакомство с реальной жизнью китайского народа во время экспедиции в бассейн Хуанхэ весной 1931 г. [Ли Чжэньцзюнь, 2020: 16–18].

Важнейшей вехой в развитии исторической географии стало создание в 1934 г. по инициативе Гу Цзегана и его ученика Тань Цисяна научного общества «Юй гун» (*Юй гун сюэхуэй*) и одноименного периодического издания, издававшегося два раза в месяц (*Юй гун баньюэ кань*). Членами научного общества стали студенты и молодые преподаватели ряда пекинских ВУЗов (Пекинский университет, Яньцзинский университет, Католический университет Фужэнь), некоторые работники издательств и исследователи. В июле 1937 г., в связи с началом крупномасштабной войны и захватом Пекина, журнал перестал издаваться, а общество самораспустилось.

³ Дэ-ван — монгольский князь Дэмчигдонров (1902–1966), лидер движения за независимость Внутренней Монголии от Китая. С 1934 г. возглавлял автономное правительство Внутренней Монголии, с 1939 г. — марионеточное государство Мэнцзян (в центральной части Внутренней Монголии), поддерживавшееся японской военной администрацией.

Деятельность общества «Юйгун» в Пекине Гу Цзегану удалось возобновить в 1946 г. Хотя возродить журнал не удалось, в специальном приложении к газете «Гоминь жибао» публиковались ежемесячные отчёты. Окончательно общество было ликвидировано уже в 1952 г. За три года — с 1934 г. по 1937 г. — в 82 выпусках журнала «Юй гун» было опубликовано более 700 статей [Цюй Вэньюн, 2009: 2]. Сначала названием на английском языке было «The Evolution of Chinese Geography Semi-monthly Magazine», а с 1935 г. — «The Chinese Historical Geography». С этого времени современный китайский перевод термина «историческая география» — *лиши дили* — стал окончательно вытеснять старое название науки.

В предварявшем первый номер журнала «Слове к читателям журнала “Юй гун”» Гу Цзеган и Тань Цисян обосновывали значение историко-географических знаний:

«История подобна спектаклю, а география — сцена, без сцены спектакля не увидишь⁴! Поэтому людям, не разбирающимся в географии, не на чем строить свое понимание истории, они способны лишь держать в памяти множество сюжетов в качестве материала для беседы» [Тань Цисян, 1934].

Мотивом для обращения с призывом к историкам была насущная необходимость научного обоснования суверенитета Китая над всей территорией периода правления династии Цин, отстаивания национального, политического и исторического единства Китая. Как полагает Ли Чжэньцзюнь, национальный кризис все же не стоит считать главным стимулом создания журнала, однако именно он определял его направленность [Ли Чжэньцзюнь, 2020]:

«Мы уже несколько десятков лет подвергаемся сильному гнету империалистов, что привело к подъему национального самосознания. Это самосознание породило общую надежду на появление «Сводной истории Китая» — чтобы разобраться в том, как же произошла наша нация, какие же всё-таки земли должны нам принадлежать. Нация и география неразделимы, а наша географическая наука развита слабо, так на что же опираться в исследованиях по национальной истории?» [Тань Цисян].

Низкий уровень научных знаний и интереса профессионального сообщества к историко-географической тематике, по мнению авторов, тормозил развитие всего комплекса исторических наук:

«Исследования по эволюции географической среды были популярными в ранний период правления династии Цин. Однако в последние десятилетия эта сфера пришла в совершенный упадок. В научных журналах,

⁴ История появления и вхождения в китайский общепринятый научный лексикон образа географической среды как сцены для спектакля-истории подробно изложена здесь: [Дин Чао, 2017]. В дальнейшем образ эволюционировал, так, уже в 1936 г. Гу Цзеган писал: «Отношения географии и истории не исчерпываются отношениями между сценой и спектаклем, так как сцена всегда статична, а географическая среда непрерывно изменяется» [Дин Чао, 2017: 63].

посвященных литературе и истории, статей на эти темы не найдешь, не найдешь и соответствующих учебных программ на исторических факультетах университетов, а обычные люди, изучающие историю, часто не знают, что такое «девять областей», [упомянутые в] «Юй гуне», «13 бу» ханьского периода, танские «10 дао», сунские «15 лу»⁵... О каких истории культуры, истории религии, экономической истории, социальной истории можно говорить в таких условиях, тем более — о каком историческом идеализме и историческом материализме!

...Мы должны заставить тех, кто занимается историей, перевести часть своего внимания на проблемы географической эволюции, постепенно подвести прочный фундамент под нашу историческую науку» [Тань Цисян, 1934].

Одним из важных фронтов историко-географической битвы стала борьба с выделением в составе территории Китая «Собственно Китая» (или «Внутреннего Китая», *Чжунго бэньбу*). В «Слове к читателям журнала “Юй гун”» подчеркивается некитайское происхождение и злонамеренный характер создания этого термина:

«Восточный сосед замышляет посягнуть на нашу территорию, сфабриковал термин «Собственно Китай» для обозначения наших 18 провинций, намекая на то, что окраинные земли не являются исконно китайскими» [Тань Цисян, 1934].

Существуют различные взгляды на происхождение данного термина, достаточно подробный обзор этой проблемы предлагается в статьях китайского ученого Чэнь Бо [Чэнь Бо, 2016, 2017]. Ряд китайских исследователей вслед за американскими учеными возводит этот термин к английскому священнослужителю Уильяму Уинтерботэму (William Winterbotham, 176–1829), который использовал его в 1795 г. в своей работе «An Historical, Geographical and Philosophical View of the Chinese Empire». Ряд американских ученых (в частности, Г. Хардинг) полагают, что западные ученые-географы выдвинули этот термин под впечатлением очевидного для наблюдателей различия между «основной частью» и зависимыми территориями, т.е. просто приняли традиционное для Китая различие между «Собственно Китаем», управлявшимся непосредственно центральной администрацией, и «территориями, находившимися в вассальной зависимости» (*фаньшу*). «Собственно Китай» при династии Цин состоял из 18 провинций, в основном населенных ханьцами. «Внешний Китай» был населен в основном национальными меньшинствами, приведенными (и приводимыми) к подчинению силой. При Цин это были Маньчжурия, Внешняя и Внутренняя Монголия, территория Синьцзяна и Цинхая, Тибет. Совокупность Китая «внутреннего» и «внешнего» и называлась «Китайской империей». Комбинация этих двух регионов в 1930-е гг. иногда именовалась «Большим Китаем» [Harding 1993: 662].

⁵ *Бу, дао, лу* — звенья территориально-административного деления государства в разные периоды, территориально-административные единицы высшего уровня.

Чэнь Бо отмечает первое упоминание термина «China proper» у Хуана Гонсалеса де Мендоса в 1785 г., и использован он был именно для того, чтобы подчеркнуть отличие Макао от непосредственно управлявшегося Китаем Гуанчжоу. Таким образом, данный термин позволял провести различие между «Собственно Китаем», как местом проживания ханьцев, и «Китайской империей», как государственным образованием, состоявшим из территорий проживания разных этносов. По мнению Чэнь Бо, под термином «Собственно Китай» следует понимать именно «территорию проживания ханьцев», в то время как термин «Чжунго» не указывает напрямую на кровное родство или этническое единство.

Так или иначе, в первые десятилетия XX вв. концепция «Собственно Китая» была распространена достаточно широко. В Японии периода Мэйдзи для обозначения Китая использовался в основном термин «Сина» (Чжина), в те времена не несший еще, по-видимому, уничижительного смысла. Лян Цичао трансформировал японский термин «Сина хомбу» (китайское чтение — Чжина бэньбу) в китайский «Чжунго бэньбу» [Чэнь Бо, 2017: 162]. В частности, Лян Цичао писал в 1903 г.:

«Что такое малый национализм? — это национализм ханьцев в отношении прочих национальностей страны. Что такое большой национализм? — Это национализм всех национальностей Собственно Китая и зависимых территорий (шу бу) в отношении национальностей за пределами страны» [Цит. по Москалев: 29].

В 1910–1930-е гг. этот термин достаточно часто встречался в китайских газетах, научных работах. Однако в 30-е гг. стало складываться мнение, что данное понятие обеспечивает обоснование для раздела Китая державами, в авангарде которых выступает Япония. В 1939 г. Гу Цзеган подверг это словосочетание резкой критике в опубликованных в Куньмине статьях «Термин “Собственно Китай” должен быть немедленно отброшен» и «Китайская нация — одна»:

«Собственно Китай» — термин, который враги используют, чтобы нас разделить [Гу Цзеган, 1939б].

Никакие правители Китая никогда не определяли какую-либо часть государства в качестве «бэньбу», никакому китайскому географу не приходило в голову называть какую-либо часть территории «бэньбу», в работах по географии, вышедших не позднее 40 лет назад, наименования «бэньбу» не встретишь, так откуда же взялся этот термин? Нечего и говорить, что это — злонамеренная пропаганда сопредельных стран, направленная на то, чтобы нас обмануть. Когда их пропаганда проникла в Китай, мы попались на удочку. Все решили, что «бэньбу» — это собственно китайские территории, с которыми мы кровно связаны; те же, что добавлены сверх «бэньбу», — есть — хорошо, нет их — тоже ничего страшного, «захотят — пусть уходят!» Таким образом они постепенно поглощают [территории], а наша воля к сопротивлению в значительной степени снижается» [Гу Цзеган, 1939а].

Гу Цзеган резко выступил и против понятия «пять больших наций» (ханьцы, маньчжуры, монголы, мусульмане и тибетцы)⁶: «Термин «пять больших наций» хотя и не придуман врагами, но сами же китайцы связывают себя им по рукам и ногам» [Гу Цзеган, 1939б]. Все жители Китая, будь то ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы, мяо или мусульмане-хуэй, принадлежат к единой «*чжунхуа миньцзу*». Понятие «единой китайской нации» к тому времени уже имело длительную историю, подробное изложение взглядов предшественников и современников Гу Цзегана приведено в монографии А. А. Москалева [Москалев, 2005].

По мнению многих китайских исследователей как первой половины XX в., так и современных, специфику свойственных Западу этногеографических представлений, возникших на почве национальных государств, нельзя накладывать на реалии Китая, где вхождение в государство происходило вне прямой связи с единством происхождения. «Ханьцы», а особенно — «*чжунхуа миньцзу*» — культурный концепт, который включает разные этнические группы, что существенно отличает их от европейских наций. Косвенным подтверждением данной особенности Чэнь Бо считает выделение в современной КНР районов проживания неханьских народностей в том числе и внутри провинций, которые следовало бы отнести к «Собственно Китаю» [Чэнь Бо, 2017: 165]. Об этой специфической особенности китайской нации в 1930-е гг. писал и Гу Цзеган:

«Испокон веков у китайцев было понятие культуры, но не было понятия этноса (чжунцзу)... У нас никогда не было этнических предубеждений, подчинение в пределах одного государства одной власти влекло за собой взаимное признание равноправия [в рамках] единого народа. Китайская нация сформировалась не на основе происхождения, ... она также создана и не на основе общей культуры... Мы — просто люди, вместе живущие под властью одного правительства, и для нас не должно быть иного наименования, кроме “чжунхуа миньцзу”» [Гу Цзеган, 1939б].

Политическая нестабильность на окраинах Китая подстегнула исследования по истории политических границ. Одним из наиболее значительных результатов этой исследовательской деятельности стала вышедшая в 1938 г. книга Гу Цзегана и одного из активнейших авторов журнала «Юй гун» Ши Няньхая (1912–2001) «История эволюции территории Китая» (*Чжунго цзяньюй яньгэ ши*), которая была призвана не только опровергнуть вражеские измышления, но и возбудить патриотические чувства китайцев, показав, как нелегко досталась их предкам каждая пядь земли. В настоящее время связь китайской нации с принадлежащей ей территорией формулируется обычно в таком ключе:

«Территории, где в исторический период жили и трудились, создавали свои государственные образования все члены великой семьи — китайской нации — являются неотъемлемой частью исторической территории»

⁶ Подробнее об этом понятии и его месте в идейной жизни 20–30-х гг. XX в. см., например, [Москалев, 2005: 73–82].

Китай. Нынешняя территория Китая сформировалась постепенно в ходе слияния (жунхэ) народности хуая в качестве основы политических образований и окружающих племен, народностей и политических образований, происходившего на протяжении длительного времени — более 4 тыс. лет» [Очерк исторической географии Китая, 2005: 91].

Авторы «Слова к читателям журнала “Юй гун”» не только обосновали актуальность данной науки в период острого национального кризиса, но также сформулировали основные задачи и определили план историко-географических исследований на десятилетия. Они отмечали, что в Китае практически отсутствует современная историко-географическая база для исторических исследований, нет фундаментальных работ, в которых бы рассматривалась эволюция географической среды, политических границ, административно-территориального устройства Китая, историки вынуждены опираться лишь на классические, но уже не способные удовлетворить потребности современной науки труды Ван Инлиня, Гу Цзуюя.

1. В качестве первого направления работы Гу Цзеган и Тань Цисян называли прояснение основных вопросов исторической географии, сбор, систематизацию, приведение в порядок разрозненных географических сведений, составление единой истории географической эволюции Китая. В настоящее время базовые систематические знания по исторической географии Китая можно получить уже в процессе обучения, — существуют, в частности, объемные учебники для ВУЗов КНР «Основы исторической географии Китая» Ши Няньхая⁷ (1991 г.), «Очерк исторической географии Китая» под ред. Цзоу Илия (первое издание вышло в 1993 г.).

2. Наука нуждалась также в историко-географических картах территории Китая, и составление полных и точных, удобных в использовании карт было названо среди первоочередных задач. Эту задачу удалось решить лишь через несколько десятилетий. В середине 50-х гг. Тань Цисян, собрав более сотни специалистов из более чем десятка китайских учреждений, возглавил составление «Атласа историко-географических карт Китая»; весь комплект из 8 томов, содержащих более 300 карт территории Китая с древности до современности, был издан в 1980-е гг.

3. В качестве третьего из важнейших направлений работы отмечалось создание максимально полного словаря исторических географических названий Китая. Для этого нужно было собрать все топонимы из письменных источников по истории Китая, при помощи источниковедческих, историко-филологических методов исследовать их, соотнести с современной географической средой и свести в единый словарь-справочник. Том «Историческая география» вышел в составе «Большого словаря по истории Китая» в 1997 г.

4. В период правления династии Цин были тщательно исследованы, проверены и дополнены географические разделы династийных историй. Эта масштабная и сложная работа стала важнейшим вкладом цинской науки в историческую географию. Гу Цзеган и Тань Цисян предлагали продолжить и завершить эти

⁷ Перевод на русский язык опубликован в 2020 г.

исследования. Кроме того, они указывали на необходимость тщательно проработать официальные исторические документы (прежде всего — династийные истории) и извлечь из них сведения по определенным темам, составить подборки по истории административно-территориального деления, населения, миграций, сельского хозяйства и т.д. Такие подборки материалов по отдельным темам начали публиковать уже в 1950-е гг. Они дают возможность осуществить первоначальное знакомство с той или иной темой, предоставляют необходимый справочный материал как историкам, так и географам. В качестве примера можно привести изданные в 1980–1990-х гг. объемные сборники архивных материалов о наводнениях в бассейнах основных рек Китая.

Таким образом, в «Слове к читателям журнала «Юй гун»» была кратко сформулирована программа исследований, осуществлявшихся затем на протяжении нескольких десятков лет большим количеством историков из ряда университетов и НИИ. В результате был заложен прочный историко-географический фундамент для общеисторических и тематических исследований. На этой базе уже в XXI в. была разработана геоинформационная система по истории Китая (CHGIS), охватывающая всю современную территорию Китая и период с 222 г. до н.э. до 1911 г. Неудивительно, что именно создание общества «Юй гун» и журнала «Юй гун» неизменно упоминается в качестве важнейшей вехи в развитии китайской исторической географии. Китайская историческая география в первые десятилетия XX в. из вспомогательной дисциплины превратилась в науку, обладающую огромным политическим значением. Специфическая ситуация «Нанкинского десятилетия» — сочетание относительной стабильности внутри страны и постоянного возрастания угроз на окраинах, вблизи границ, — способствовала сосредоточению части историков на историко-географических исследованиях, которые были призваны сыграть важнейшую роль в обосновании государственного суверенитета, территориального и национального единства Китая, в воспитании патриотизма китайцев. Китайский историко-географический нарратив должен был и доводиться до китайцев, и служить оружием в борьбе с враждебными измышлениями вовне Китая.

Отметим, что в последние десятилетия китайское общество — на новом витке развития, с новыми целями и мотивами — в определенном смысле вновь обращается к дискурсу 1930-х гг. Кампании по патриотическому воспитанию и соответствующие изменения в учебных программах и содержании учебных пособий вновь акцентируют внимание на национальном единстве и территориальной целостности, на китайской традиционной культуре [Rysakova 2017: 459]. В истории XX в. на первый план выходит противостояние Китая внешним врагам, заслоняя собой классовую борьбу, на протяжении предшествующего периода бывшую главным скрепляющим элементом исторического повествования. Трагический накал борьбы КПК с Гоминьданом уходит все глубже в прошлое, победа в гражданской войне, по-видимому, все менее привлекается для легитимизации власти компартии. Как отмечает А.В. Гордон, «в культурном аспекте источником легитимности партийного государства представляется вся тысячелетняя цивилизация Поднебесной»

[Гордон, 2018: 101]. Тем больший научный интерес вызывают столь востребованные в современном Китае достижения китайских ученых первых десятилетий XX в. в сфере исторической географии.

Источники

1. *Гу Цзеган* (顾颉刚). Термин «Собственно Китай» должен быть немедленно отброшен («*Чжунго бэньбу*» и *мин цзиин фанци* 《中国本部》一名亟应放弃 // И ши бао. — 01.01.1939. — № 1. — Режим доступа: http://www.shehui.pku.edu.cn/upload/editor/file/20180627/20180627102430_7376.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
2. *Гу Цзеган* (顾颉刚). Китайская нация — одна (*Чжунхуа миньцзу ши игэ* 中华民族是一个) // И ши бао. Бяньцзын чжоукань. — 13.02.1939. — № 9. — Режим доступа: https://www.sohu.com/a/223328537_692685 (дата обращения: 15.12.2020).
3. *Тань Цисян* (谭其骧), под ред. *Гу Цзегана* (顾颉刚). Слово к читателям журнала «Юй гун» (《禹贡》发刊词 *Юй гун фа кань цы*) // Юй гун. — 1934. — № 1. — Режим доступа: http://lishisuo.cass.cn/zsyj/zsyj_lsdlyjs/201812/t20181225_4800017.shtml (дата обращения: 15.12.2021).

Список литературы

- Гордон А. В.* История и политика в национальном сознании глобализующегося Китая (открытость и великодержавность) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. — 2018. — № 2. — С. 98–147.
1. *Денисов И. Е.* Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 42–52.
 2. *Москалев А. А.* Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. — М. — 2005.
 3. *Гэ Чжаогуан* (葛兆光). К обсуждению «Дневника Гу Цзегана». От колебаний к терзаниям — исторические воззрения Гу Цзегана на «Китай» и «китайскую нацию» (*Ду «Гу Цзеган жици» суйли. Пайхуай дао цзюцзе — Гу Цзеган гуаньюй «Чжунго» юй «чжунхуа миньцзу» дэ лиши цзяньцзе* 读《顾颉刚日记》随礼. 徘徊到纠结 — 顾颉刚关于“中国”与“中华民族”的历史见解). — 2016. Режим доступа: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-SHUC201505003.htm> (дата обращения: 15.12.2021).

4. *Дин Чао* (丁超). Пьеса и сцена — концепция географической [среды, как] сцены, в истории развития китайской исторической географии (*Яньцзюй юй утай — Чжунго лиши дилисюэ фачжань ши шан дэ дили утай шо шулунь* 演剧与舞台—中国历史地理学发展史上的地理舞台说述论) // Вестник Юньнаньского университета (Социальные науки).— 2017.— № 3.— С. 59–72.
5. *Ли Чжэнцзюнь* (李政君). Национальный кризис и эволюция научных воззрений Гу Цзегана: новые суждения (*Миньцзу вэйцзи юй Гу Цзеган сюэшу сысян яньбянь синь лунь* 民族危机与顾颉刚学术思想演变新论) // Бэйцзин дан ши.— 2020.— № 4.— С. 16–23.
6. *Мао Си, Дун Чжэньхуа* (毛曦, 董振华). Название, содержание и значение: учебные программы по исторической географии в период Китайской республики (*Минчэн, нэйжун юй ши: Миньго шици дэ лиши дилисюэ кэчэн* 名称、内容与意义: 民国时期的历史地理学课程) // Вестник Тяньцзиньского педагогического университета (Социальные науки).— 2020.— № 5.— С. 19–26.
7. Очерк исторической географии Китая (*Чжунго лиши дили гайшу* 中国历史地理概述). Ред. Цзоу Илинъ (邹逸麟).— Шанхай.— 2005.
8. *Тан Ин* (汤莹). Еще раз о концепции Гу Цзегана «Китайская нация — одна» (*Гу Цзеган «Чжунхуа миньцзу ши игэ» лилунь цзай тань* 顾颉刚“中华民族是一个”理论再探) // Сысян чжаньсянь.— 2018.— № 1.— С. 111–118.
9. *Цюй Вэньюн* (曲文雍). Взгляды авторов журнала «Юй гун» на китайскую нацию (*«Юй гун» баньюэкань цзочжэ цюнь дэ чжунхуа миньцзу гуань* 《禹贡》半月刊作者群的中华民族观) // Chinese Master's Theses Full-text Database. Дисс. на степень магистра. Центральный университет национальностей.— Пекин.— 2009.
10. *Чжу Шигуан* (朱士光). Предварительное обсуждение национальных особенностей китайской исторической географии (*Чу лунь Чжунго лиши дилисюэ чжи миньцзу тэсэ* 初论中国历史地理学之民族特色) // Вестник Цзинаньского университета (Социальные науки).— Том 29.— № 5.— 2019.— С. 18–21.
11. *Чэнь Бо* (陈波). Понятие «Собственно Китай» в Японии периода Мэйдзи (*Жибэнь минчжи шидай дэ Чжунго бэньбу гайнянь* 日本明治时代的中国本部概念) // Сюэшу юэкань.— 2016.— № 7.— С. 157–173.
12. *Чэнь Бо* (陈波). Истоки и конструирование понятия «Собственно Китай» — от 1550-х гг. до 1795 г. (《中国本部》概念的起源与建构 — 1550年代至1795年) // Сюэшу юэкань.— Цз.49.— 2017.— № 4.— С. 145–166.
13. *Chen Bo*. The Making of “China” out of “Zhongguo”: 1585–1690 // Journal of Asian History.— Vol. 50.— No.1.— 2016.— P. 73–116.
14. *Harding, Harry*, The Concept of ‘Greater China’, Themes, Variations and Reservations // The China Quarterly. Special Issue, Greater China.— No. 136.— 1993.— P. 660–686.

15. *Rysakova P. I.* The Image of the Soviet Union and Russia in Chinese history textbooks of the 2000s (in the perspective of development of Chinese historiography) // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика.— 2017.— Т. 9.— Вып.4.— С. 457–468.
16. *Transforming History: The Making of a Modern Academic Discipline in Twentieth Century China.* edited by: Brian Moloughney, Peter Zarrow.— Hong Kong, Chinese University Press.— 2011.

References

1. *Gu Jiegang.* The term “China Proper” should be dropped immediately // Yi shi bao.— 01.01.1939.— No. 1.— [Electronic resource]: http://www.shehui.pku.edu.cn/upload/editor/file/20180627/20180627102430_7376.pdf (circulation date: 15.12.2021). (In Chinese).
2. *Gu Jiegang.* There’s Only One Chinese Nation // Yi shi bao. Bianjiang zhoukan.— 13.02.1939.— No. 9.— [Electronic resource]: https://www.sohu.com/a/223328537_692685 (circulation date: 15.12.2020). (In Chinese).
3. *Tan Qixiang, edited by Gu Jiegang.* To the Readers of Yu Gong Magazine // Yu Gong.— 1934.— No. 1.— [Electronic resource]: http://lishisuo.cass.cn/zsyj/zsyj_lsdlyjs/201812/t20181225_4800017.shtml (circulation date: 15.12.2021). (In Chinese).
4. *Gordon A. V.* History and politics in the national consciousness of a globalizing China (openness and greatpowerness) // Social and human sciences. Domestic and foreign literature. ser. 9, Oriental and African studies: Abstract journal.— 2018.— No. 2.— P. 98–147. (In Russian).
5. *Denisov I. E.* The concept of “discursive power” and the transformation of Chinese foreign policy under Xi Jinping // Comparative policy.— 2020.— Vol.11.— No. 4.— P. 42–52. (In Russian).
6. *Moskalev A. A.* Nation and Nationalism in China: The Evolution of Chinese Thought in Approaches to Nation and Nationalism.— Moskow.— 2005. (In Russian).
7. *Ge Zhaoguang.* To the discussion of the «Diary of Gu Jiegang». From Hesitation to Anguish — Gu Jiegang’s Historical Views on «China» and the «Chinese Nation».— 2016.— [Electronic resource]: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-SHUC201505003.htm> (circulation date: 15.12.2021). (In Chinese).
8. *Ding Chao.* Drama and stage: A historical study of the geographical stage theory in the historical geography of China // Yunnan daxue xuebao (Shehui kexue ban).— 2017.— No. 3.— P. 59–72. (In Chinese).
9. *Li Zhengjun.* The National Crisis and the Evolution of Gu Jiegang’s Scientific Views: New Judgments // Beijing dang shi.— 2020.— No. 4.— P. 16–23. (In Chinese).

10. *Mao Xi, Dong Zhenhua*. Name, Content and Significance: The Course of Historical Geography in the Republic of China // Tianjin shifan daxue xuebao (Shehui kexue ban).— 2020.— No. 5.— P. 19–26. (In Chinese).
11. An essay on the historical geography of China. Edited by Zou Yilin.— Shanghai.— 2005. (In Chinese).
12. *Tang Ying*. A Further Study of Gu Jiegang’s Theory of “There’s Only One Chinese Nation” // Sixiang zhanxian.— 2018.— No. 1.— P. 111–118. (In Chinese).
13. *Qu Wenyong*. The views of the authors of the Yu Gong magazine on the Chinese nation // Chinese Master’s Theses Full-text Database. Zhongyang minzu daxue.— Beijing.— 2009. (In Chinese).
14. *Zhu Zhiguang*. Preliminary discussion of the national features of Chinese historical geography // Jinan daxue xuebao (Shehui kexue ban).— Vol. 29.— No. 5.— 2019.— P. 18–21. (In Chinese).
15. *Chen Bo*. The Concept of China Proper during Meiji Period in Japan // Xueshu yuekan.— 2016.— No. 7.— P. 157–173. (In Chinese).
16. *Chen Bo*. The Invention and Making of “China Proper” — In Europe: 1550–1795 // Xueshu yuekan.— Vol.49.— 2017.— No. 4.— P. 145–166. (In Chinese).
17. *Chen Bo*. The Making of “China” out of “Zhongguo”: 1585–1690 // Journal of Asian History.— Vol. 50.— No.1.— 2016.— P. 73–116.
18. *Harding, Harry*, The Concept of ‘Greater China’, Themes, Variations and Reservations // The China Quarterly. Special Issue, Greater China.— No. 136.— 1993.— P. 660–686.
19. *Rysakova P.I.* The Image of the Soviet Union and Russia in Chinese history textbooks of the 2000s (in the perspective of development of Chinese historiography) // Vestnik SpbGU. Oriental and African studies.— 2017.— Vol.9.— No. 4.— P. 457–468.
20. *Transforming History: The Making of a Modern Academic Discipline in Twentieth Century China*. edited by: Brian Moloughney, Peter Zarrow.— Hong Kong, Chinese University Press.— 2011.

Информация об авторе

Александра Евгеньевна Донская — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

Email: a.donskaya@spbu.ru

Author's Information

Aleksandra E. Donskaia — PhD, Senior Lecturer, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University.

Email: a.donskaya@spbu.ru